

**ЛИСТАЯ
НОВЫЕ
СТРАНИЦЫ**

Запесоцкий А.С. КУЛЬТУРОЛОГИЯ: ВЗГЛЯД
ИЗ РОССИИ. СПб.: СПбГУП; М.: Наука. 2014. 848 с.

Широко распространено представление, что культура это множество, объединяющее самые разные феномены — от доморощенных кулинарных рецептов до внеземных цивилизаций. Кстати, отнесение последних к культуре далеко не безобидно, поскольку выводит за рамки обсуждения вопрос о ценностно-нравственных основах бытия. Соответственно, распространено мнение, в том числе среди коллег по гуманитарному цеху, что культурология — дискурс, не имеющий четких очертаний и предмета.

Книга известного отечественного философа и культуролога А.С. Запесоцкого о культурологии, объектом которой являются не только шедевры мирового искусства, но и традиции, повседневные коммуникативные практики, городские и природные ландшафты, круг чтения, то есть о научной дисциплине, входящей под номером 24.00.00 в «Номенклатуру специальностей научных работников». В работе воссоздана обширная и многосторонняя панорама развития отечественной культурологии за последние два десятилетия, намечаются перспективы ее развития. Увесистый, хорошо оформленный том вобрал в себя как уже известные, так и новые работы автора.

Материалы книги объединены в несколько разделов. В первом рассматривается становление культурологии как научной парадигмы. Второй посвящен современным теориям культуры. Взаимодействие культурологии с другими гуманитарными дисциплинами анализируется в третьем разделе. В четвертом раскрывается многообразие целей, задач и функций образования. Пятый раздел исследует динамику — диалог культур, воздействие СМИ на отечественную культуру, роль интеллигенции в жизни страны. Заключают книгу несколько очерков об известных российских интеллектуалах.

Автор выделяет несколько точек напряжения в современном культурологическом дискурсе. Это, прежде всего, вопросы о предмете, объекте и методе, которые во многом остаются дискуссионными. В книге, на наш взгляд, исчерпывающе очерчено проблемное поле культурологии. Ее понятийный аппарат представляет сложную многоуровневую структуру:

■ Группа категорий, фиксирующая культуру как целостность (исторические типы социокультурной организации; региональные культуры; этнические и социальные субкультурные сообщества; обы-

денная, элитарная и народная культуры).

■ Понятия, характеризующие функции и свойства культурных объектов (знаки, символы, мифы, верования и т.д.); ценности и нормы (идеологические, нравственные), правила и стандарты (традиции, роли, мода); культурную среду (предметно-искусственная, информационная); субъекты культуры (личность, общности, этносы, касты); культурные институты (учреждения культуры и досуга, творческие союзы, средства массовой информации) культурные аспекты различных видов деятельности (культура правовая, художественная, организационная).

■ Категории, отражающие способы бытия культурных организмов: культурные модальности (эволюция, модернизация, деградация); культурные процессы (генезис, функционирование, распространение); культурное взаимодействие (кооперация, взаимопомощь); культурные технологии (социализация, идентификация, воспитание, обучение); межкультурное взаимодействие (интеграция, дифференциация, конфликт) (с. 30–31).

Автор придерживается далеко не всеми разделяемого убеждения, что культурология принадлежит особое место в гуманитарном знании. Исторически и логически «культурологический дискурс «собирает» культурную реальность, «разбросанную» по проблемным областям социально-гуманитарного знания, онтологизирует культуру как целостность» (с. 20). Соответственно, многие используемые категории входят в аппарат научных методов философии, социологии, антропологии, этнографии, «но в рамках культурологии эти феномены выявили иные смыслы»

(с.30). К таковым, например, можно отнести понятия «хронотоп», «архитектоника» (М. Бахтин), «социодинамика культуры» (П. Сорокин), «кросскультурный анализ», «козволюция», «социокод», «культурный код» (В. Степин), «мем» (единица культурной информации)¹, «человекоразмерность» (М. Петров) и др. Культурология, таким образом, объединяет целый «куст» частнонаучных подходов в качестве научной парадигмы и в этом модусе представляет собой своеобразную метанауку (с. 20).

В книге обосновывается мысль, что теоретическим каркасом культурологии выступают результаты рефлексии над предельными основаниями культуры. По нашему мнению, к последним следует отнести, прежде всего, общенаучные константы, маркирующие связь культуры и природы: естественное — искусственное, золотое сечение, предустановленная гармония, антропный принцип. Этот ряд продолжают феномены, которые В.С. Степин называет универсалиями культуры (с. 125–130). К ним примыкают упоминавшиеся выше «хронотоп», «социокод», «человекоразмерность» и т.п.

Вместе с тем для культурологии как отрасли гуманитарного знания характерно доминирование лично ориентированной методологии (с. 25). Существование упомянутых парадигм нуждается в серьезной теоретико-методологической проработке. По нашему мнению, оно оправдано, по крайней мере, в силу одного важного обстоятельства: *многообразие* (множественность) социально-культурных форм неотделимо от *уникальности* каждого конкретного проявления социальности. Это зафиксировано всей историей человечества.

М. Мануильский
Запесоцкий А.С.
Культурология:
взгляд из России

¹ По аналогии с понятием «ген».

Известный “антропологический изоморфизм” присущ культурологическим построениям Д.С. Лихачева и В.С. Степина. Автор подчеркивает, что в обоих случаях внимание к теории культуры было обусловлено проявлением интереса “к возвращению гуманитарного начала, проблеме Человека” (с. 72), антропоцентризмом в трактовке культуры (с. 114). На первый взгляд, данная установка является самоочевидной — не может быть культуры вне и без человека. (Экзотические версии вроде инопланетного происхождения земной цивилизации можно в расчет не принимать.) Однако в зависимости от того, как эксплицируется понятие “человек”, меняются и теоретические контуры дисциплины. Поскольку трактовки природы и сущности человека весьма различны, ограничимся формальной тематизацией.

Все многообразие феномена человека можно свести к трем модусам его существования. Эти три относительно самостоятельные подсистемы фиксируются понятиями “человек” — “индивид” — “личность”. Человек как *родовое существо* представляет собой совокупность природно-биологических качеств, над которыми надстраиваются созданные в процессе исторического развития социально-культурные формы и способы жизнедеятельности, субъектом которых является *индивид*; уникальные интеллектуально-эмоциональные качества последнего образуют *личность*. В рамках каждой подсистемы существует своя культурологическая оптика, которая варьирует в диапазоне между институционально-функциональным вектором, с одной стороны, экзистенциальным — с другой. Так, теория культуры В.С. Степина (“культура как система надбиологичес-

ких программ”) тяготеет, на наш взгляд, к рационально-институциональной парадигме, а, скажем, концепция А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко (“культура — это система символов”) продолжает линию философии символических форм Э. Кассирера.

Естественную ткань культуры составляют исторический процесс и язык (речь, литература), а ее ближайшими очевидными результатами выступает искусство (произведения искусства) и, конечно же, личность как продукт воспитания и образования. Соответствующим темам посвящены специальные разделы, в частности, особое внимание уделено культуроцентричной концепции истории и понятию “концептосфера языка” Д.С. Лихачева. В контексте анализа различных художественных школ и направлений обосновывается положение об искусстве как высшей форме сознания и первенстве художественного познания по отношению к научному. Интерес здесь представляет не только использование культурологической аргументации (“искусство высоко поднимает ценность индивидуальности человеческой личности” [с. 284]) но и обращение к проблеме “истины”, основательно потрепанной в постмодернистском дискурсе.

Возрождение традиционных гуманистических идеалов постулируется и при анализе институтов образования и социализации. Автор справедливо подчеркивает, что “в основе педагогических концепций и воспитательных практик лежит эстетический идеал”; последний содержит базовые культурные ориентации при доминировании одной (с. 364–366). В книге подробно анализируется ряд известных зарубежных теорий личности (психоаналитическая, гуманистическая) и соответ-

ствующих концептов в отечественной мысли (Вл. Соловьева, Н. Бердяева, П. Флоренского, П. Лаврова и др.). Проекция результатов исторического экскурса на современную ситуацию дает возможность автору сделать следующий вывод: “Антропологическое измерение образования позволяет рассмотреть развитие данного института как процесс реализации гуманистического потенциала культуры” (с. 391).

Одна из непреходящих для отечественной мысли проблем — интеллигенция. Автор констатирует сложившуюся исторически неоднозначность в ее понимании. Не без основания она характеризуется как “высший “продукт” мировой культуры” (с. 204); вместе с тем в своем генезисе она есть “специфически российское явление” (с. 618). Между этими позициями есть точки соприкосновения, правда, не всегда с положительным знаком. Так, интеллигенции свойственны “обостренное чувство совестливости [и...] интеллектуальная независимость” (с. 616). Если считать, как принято на Западе, синонимом интеллигенции интеллектуалов, то среди характеристик последних морально-нравственные качества не значатся как доминантные. Зато со свободой, особенно нравственной, у российской интеллигенции всегда было непросто. Скажем, для “веховцев”,

вслед за героями Достоевского, она — Великое искушение.

Оппозиция власти давно числится то основным достоинством, то грехом интеллигенции. В книге почти афористично постулируется: “миссия интеллигенции — оппонировать не власти, а злу, в каком бы облике оно ни выступало” (с. 620). Этот тезис обстоятельно рассматривается на конкретных исторических примерах. Более того, автор анализирует аргументы в выборе способов построения отношений интеллигенции с властью; речь идет о давно предложенных им моделях — “модель Сахарова” (никаких компромиссов) и “модель Лихачева” (лояльность одновременно с критикой неправильных действий власти). Читатель найдет здесь богатую пищу для размышлений, особенно в свете содержащегося в книге прогноза: “возможно, в настоящее время Россия находится в начале нового витка противостояния интеллигенции и власти” (с. 631).

Сегодня отечественная культурология — динамично развивающаяся наука. Монография А.С. Запесоцкого — этапная работа, в которой подведены существенные итоги развития культурологии. Вместе с тем исследование, безусловно, станет солидным эвристически значимым фундаментом для дальнейших поисков.

© 2016 М.А. МАНУИЛЬСКИЙ,
кандидат философских наук

М. Мануильский
Запесоцкий А.С.
Культурология:
взгляд из России